

ЭЗРА БУСКИС
ЛУЧШЕ ЧЕМ
КОГДА ЛИБО

Езра Бускис

Лучше чем когда-либо

«Accent Graphics communications»

2013

Бускис Е.

Лучше чем когда-либо / Е. Бускис — «Accent Graphics communications», 2013

Эзра Бускис родился в бывшем Советском Союзе. Учился в Ровенском Институте инженеров водного хозяйства. Закончил Одесский строительный институт. В студенческие годы руководил театром и писал для него. Он уехал из Советского Союза в 1989 году и в настоящее время живет в западной части Канады со своей семьей и внуками. Недавно Эзра закончил сценарий полнометражного фильма, который, он надеется, в один прекрасный день найдет своего продюсера. Обычные человеческие переживания включают в себя время и память. Ведь память это остановившееся время! И сколько бы ни жил на Земле человек, он будет вспоминать. Он на это обречен. И обреченность эта – светлая и высокая. В романе Эзры Бускис «Лучше, чем когда-либо» сияет этот непреложный и вечный свет памяти. И встают перед нами – живые и яркие – города, друзья, любимые женщины, дети, родные, просто соседи... Каждого из них автор видит воочию по сей день, хотя дней с тех пор миновало немало. Каждого любит. Каждому верит. Каждого понимает. Читая роман Вы вспомните свою молодость... Вы оглянетесь на свою жизнь... Вместе с Эзрой вы будете искать смысл жизни и вместе с ним вы будите смеяться и плакать... Это редкое качество прозаика – такая безусловная и высокая память. Его роман – необычная вереница своеобразных памятников Людям и Времени. Родному городу. Любви и дружбе. Всем, кто оставил зарубки в жизни писателя. Зарубки на самом сердце. Огромном сердце творца. Удивительный роман...

© Бускис Е., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Эзра Бускис

Лучше, чем когда-либо

Славному городу Жмеринка и всем тем, кто жил там в середине шестидесятых. И тем, кто не жил там...

Ведь у каждого в молодости была своя Жмеринка.

Посвящаю

Контракт

Я, Эзра, беру на себя обязательство написать и закончить эту книгу.

Я понимаю, что мне предстоит напряженная, управляемая свыше работа над ней, и я полностью посвящаю себя этому.

Я беру на себя обязательства ежедневно заниматься творчеством, думать и выполнять все, что необходимо для него.

Я также осознаю, что работа выявит серьезные проблемы в моем образовании. Их я буду компенсировать ежедневными занятиями по повышению знаний в тех областях, которых потребует моя книга.

Моя творческая работа возбудит во мне чувства, мысли и воспоминания, с которыми мне придется постоянно бороться, и я сознательно иду на это.

Будет тяжело... Но чертовски приятно!

Да поможет мне тот, с кем я не всегда ищу близких отношений.

Эзра Бускис

Сентябрь, 2010

Пролог

«Если бы Бог тебе не помогал, ты столько бы не выдержал».

Хасидская поговорка

Театр... Сцена... Красные, желтые, оранжевые цвета... Кресла красного цвета. Занавес темно-красный. Задник желто-оранжевый с огромным красным пятном посередине. На сцене два актера в ярких одеждах нищих. Первый актер:

– Итак... Второй актер:

– Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это доля его. Ибо кто при ведет его посмотреть на то, что будет после него?

Он обвел сцену грустным взглядом, вышел на авансцену и, смотря в зал, театральным голосом продолжил:

– Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Грустно улыбаясь:

– Это говорю я, Кохэлэт, сын Давида, царь над Израилем в Иерусалиме...

Занавес падает. Мы слышим бурные аплодисменты и крики «Браво!»

Занавес поднимается, и на сцене никого... Мы смотрим в зал – и там никого...

Кухня...

Эзра сидит за столом, пьет кофе и смотрит телевизор, Хана складывает посуду в посудомоечную машину.

– У нас на работе сегодня была аттестация, ничего особенного, но все же мне было приятно...

Эзра слушает ее вполуха, смотрит футбол.

– Но тебе как всегда неинтересно, что происходит у меня на работе.

Не отрываясь от телевизора:

– Почему? Мне интересно...

– С тех пор, когда ты бросил работу в такси и стал «великим писателем», тебя ничего, что касается работы – я имею в виду нормальной работы: идти утром на работу, работать там, приходить с работы домой, отдыхать... ну, как раньше у тебя было – ничего не волнует. А между прочим, сейчас кризис, ты знаешь об этом? И сейчас увольняют...

Хана говорит все это, стоя к нему спиной. Он сидит немного сзади, смотрит футбол, иногда делает рожи, когда ее голос его раздражает, мешает ему смотреть... Кошка подошла к своей тарелке на полу и стала есть. Собака подошла к двери на задний двор и стала проситься на улицу. Эзра, не обращая внимания, продолжает смотреть свой футбол. Хана повернулась, посмотрела с осуждением на Эзру. На собаку.

– Ну, где я тебя нашла такого идиота? Открой собаке дверь! Она подняла руку, чтобы выключить ящик.

– Не трогай!

Эзра встал и открыл дверь на задний двор, продолжая смотреть.

– Так вот продолжаю про мою аттестацию. Чарльз сказал, что мне волноваться не о чем. Меня, мол, увольнять не будут. Я ценный работник. – Она улыбнулась. – Так что тебе нечего волноваться. Можешь продолжать ничего не делать... Ой! Я забыла! Ты же у нас «великий писатель»...

Вдруг Эзра оторвался от телевизора и стал смотреть кругом. На Хану, на кошку, на собаку которая гуляла во дворе. У него в голове стали появляться какие-то образы, сцены... И что удивительно: ему вдруг стало казаться, что это уже было... все это...

– Это уже было... Я это уже видел...

– Так какого же черта ты уставился в ящик, если уже это видел?

Эзра не обратил внимания на Ханино замечание.

– Ты понимаешь, Хана?! Я это уже видел! Хана повернулась к нему. И, увидев его тупой взгляд в никуда, как-то заволновалась.

– Ну?! Он приложил руку к сердцу. Ему трудно стало дышать, и стало жечь там, в груди... И левая рука как-то обвисла, но он этого словно не замечал, а тупо повторял:

– Невероятно... Это уже было...

Хана не выдержала. На повышенных тонах:

– Да что с тобой?! Эзра отключился от окружающего его мира, он что-то видел.

– Как такое может быть? Ты не поверишь... Я знаю, что будет дальше... Я знаю продолжение...

Он посмотрел на Хану отстраненно странным взглядом. Она так испугалась, что впервые за столько лет не знала, как себя вести, что сказать.

А Эзра смотрит во двор... двор уходит в лес... Поляна... На поляне стоит стол с двумя стульями... Стол покрыт красивой, дорогой, белой скатертью...

Все в черно-белом цвете...

Из леса появляется очень красивая высокая стройная девушка с рыжими волосами, в черном платье, на голове черная шляпа с большими полями. Она смотрит на Эзру и улыбается. Машет ему рукой.

Элегантно, с достоинством, садится за одиноко стоящий стол, вынимает золотой портсигар для сигар, вынимает тонкую сигару, подносит ее ко рту...

Ниоткуда появляется официант в смокинге. Руки в белых перчатках. В одной руке у него серебряный поднос, на котором белый кофейник с двумя белыми чашками, бутылка шампанского и два хрустальных бокала.

Свободной рукой он щелкает золотой зажигалкой и подносит огонь к девушке, которая прикуривает сигару и при этом продолжает смотреть на Эзру.

И дальше как в замедленных съемках...

Официант медленно ставит поднос на стол... Открывает шампанское... Со звуком вылетает пробка... Он медленно наливает в хрустальные бокалы шампанское, которое медленно выливается через края бокалов... В чашки он медленно наливает кофе и с гордо поднятой головой медленно и с достоинством уходит...

Девушка все это время смотрит на Эзру.

Улыбается и жестом приглашает его к столу:

– Эзра, остановись на минуту... Подумай... Это ведь твоя жизнь!

И снова жест. Она снова приглашает его к столу. Она такая красивая... Он не может выдержать. Он хочет к ней... Он хочет за ее стол... Он хочет шампанского... кофе... Он хочет сидеть с ней рядом...

Эзра, медленно растягивая слова, говорит:

– Это ведь моя жизнь... И я с ней могу делать все, что захочу. А я хочу к ней... хочу за ее стол... хочу сидеть с ней рядом... говорить ни о чем... курить сигару, пить шампанское... кофе и смотреть... смотреть... смотреть... на нее...

Эзра с тоской смотрит во двор.

Кафе...

Эзра вошел в кафе. Сел за столик. Заказал кофе. Стал смотреть по сторонам. Подошла официантка, с улыбкой поставила кофе на стол и с интересом посмотрела на него. Кокетливо виляя бедрами, пошла в сторону барной стойки. Обернулась и еще раз посмотрела. Он на нее не смотрел. Но чувствовал ее взгляд.

Открылась входная дверь.

Высокая стройная девушка с рыжими волосами вошла в кафе и стала смотреть по сторонам в поисках кого-то. У него перехватило дыхание. Она показалась ему невероятно красивой, он не мог оторвать от нее взгляд. Как вообще можно быть такой красивой?! Ее лицо... Глаза... волосы... губы... Невероятно... Красивой такой больше нет! У него заныло в груди. Он не выдержал, улыбнулся ей, поднял чашку, как бы чокаясь. Она ему в ответ улыбнулась. И у него опять перехватило дыхание... Она решила, что это тот, к которому она пришла. Ее походка... походка кошки, нет, не кошки, ягуара... медленно переставляя ноги, с независимо поставленной головой, она шла к его столику... Короткая юбка, сапоги на высоких каблуках еще больше подчеркивали ее великолепную фигуру. Она приближалась, как в замедленных съемках, с улыбкой, намереваясь сесть за его стол...

– Нет, это не он, то есть это не я... – смутился он.

Она растерялась, не зная, как себя вести.

– Ты мне просто понравилась...

И он ей улыбнулся.

Она растерянно продолжала улыбаться, глядя на него. И отошла в поисках того, к кому пришла. Вдруг резко обернувшись, посмотрела на него еще раз, как бы не веря, что он не тот, к которому она пришла...

Я представляю...

Театр... Сцена... Красные, желтые, оранжевые цвета...

Кресла красного цвета. Занавес темно-красный. Задник желто-оранжевый с огромным красным пятном посередине.

На сцене два актера в ярких одеждах нищих. Появляется девушка из кафе в порванном желтом платье и босиком. Прижимая руку к груди, с театральным выражением она обращается к первому актеру:

- Я тебе благодарна.
- За что?
- За то, что ты был со мной столько времени. Спасибо...
- Не понимаю...

- Просто не все могут быть счастливыми. Кому-то нужно быть и несчастливым.
- О чем ты?

В ответ девушка грустно улыбается.

Занавес падает. Мы слышим жидкие аплодисменты. Одинокие крики «Браво!»

Занавес поднимается, и они втроем кланяются под робкие аплодисменты.

Кафе...

Эзра сидит один за столом. Пьет свой кофе, смотрит по сторонам. И видит ее... И такое впечатление, что она везде, везде, куда бы он ни смотрел... Не может быть, чтобы все кафе заполнено ей! Не может быть, что все посетители состоят из нее!

Он озирается...

– Вот! За каждым столом сидит она, и напротив нее сидит она, и рядом с ней сидит она...
Очередь за кофе состоит из нее. И девушка, которая варит кофе за стойкой, тоже она...

И все они говорят, шутят, смеются... Или я тихо схожу с ума... Нет! Со мной что-то происходит...

Он посмотрел по сторонам задумчивым взглядом.

«Ощущение безысходности, – подумал он. – И ничего нельзя сделать... Абсолютно».

И вдруг вспомнил... Как будто это было вчера...

– Знаешь, Эзра, до того, как я встретила тебя, у меня была абсолютно скучная, однообразная, неинтересная жизнь. А с тобой ... с тобой было всегда весело и непредсказуемо... Помню, на мой день рождения... ты помнишь? На мой день рождения утром ты бросил камешком в мое окно... помнишь? Я не слышала, и ты опять бросил, но я спала. Тогда ты нашел камешек побольше и бросил его. И окно разлетелась вдребезги. Как же я испугалась, проснулась... С опаской посмотрела из окна и увидела тебя... Ты прижал голову к плечам, и лицо у тебя при этом было тоже перепуганное. Но когда ты увидел меня, ты обрадованно крикнул: «Слава богу, это твое окно, а то мне вдруг показалось, что соседское!» И лицо твое при этом было ликующее. А твой акцент... Жмеринский акцент... Он заставлял и заставляет всегда меня улыбаться... До тебя я никогда не слышала такого акцента и некоторые слова... Я даже не знала об их существовании...

– Например?

– Ну, не знаю, например, «колобаня». Это лужа по-твоему.

– А мне нравится... А еще?

– Лох... Шлэпар...

– В твоём исполнении они звучат клево. Давай еще!

– Тухыс! Это попа на идиш.

– Еще!

– Вэй Змир! «Боже мой» по-русски. Помнишь, мы могли с тобой поругаться и помириться десять раз за вечер... И тогда я злилась и не соображала, какое это было счастье. А сейчас... – И она посмотрела в прошлое. – А еще помню... Когда ты мне сказал: «Я нашел тебя

неотразимой!», я чувствовала, что это не твоя фраза. Так в Жмеринке не говорят. И ты где-то ее услышал или прочитал. Но ты сказал ее как-то по-особенному будто она твоя. И я тебе поверила. Меня это настолько поразило... Мне она так понравилась... Мне это даже снилось...

– Ха! Что тебе снилось? Как мои слова могли тебе сниться?

– Я просто... Мне такого... Мне так не говорил никто...

И она улыбнулась в пространство.

– А однажды мы гуляли в парке, и совершенно незнакомая женщина, посмотрев на нас, сказала: «Вы очень подходите друг другу». Но как только она ушла, почти сразу мы поругались, как всегда. Почему мы расстались с тобой?

– Я помню, почему мы расстались... Я болел. Я очень болел...

– Почему же ты не пришел ко мне?

– Я пришел... Но тебя уже не было...

Он посмотрел на нее и спросил:

– Да что с тобой? Ты как будто прощаешься со мной...

И... Он очнулся... Он в кафе...

– Мой стол и мой кофе... – сказал он в пространство.

И с тоской посмотрел на девушку...

Я вспоминаю...

У нее очень белая кожа... Рыжие, почти красные волосы... Веснушки и необычный разрез глаз...

Мы в кинотеатре.

Я представляю...

Она сидит у меня на коленях и пьет красное вино прямо из бутылки.

У нее плохо получается. Вино выливается из ее губ на мою рубашку на мои штаны, на мою душу... И я красный, вонючий и пьяный.

Я хочу поцеловать ее полные, липкие, красные губы и, не отрываясь, смотреть в ее глаза. В глаза со странным необычным разрезом...

И я целую ее губы... И я смотрю в ее глаза...

И они увеличиваются, увеличиваются, увеличиваются... Становятся огромными, заполняя весь экран...

Только вот как же ее зовут?

И опять кафе...

Она все еще везде...

Он следит за ней боковым зрением, не поворачивая головы.

Оглянулся... Кафе... Полупустое кафе... Посмотрел на девушку.

Невероятно красивое создание... Смотрит по сторонам. Ищет того, к кому она пришла. Неужели она не видит, что кроме нее и меня в кафе никого нет? Она сидит за каждым столом... Очередь за кофе состоит только из нее... И девушки за стойкой... Которые делают разные кофе-латте – это все она...

Я представляю...

Театр... Сцена... Красные, желтые, оранжевые цвета...

Девушка из кафе в порванном желтом платье и босиком. Прижимая руку к груди, с театральным выражением говорит:

– Ты уверял, что я хорошо пишу, верно?! Вот что я писала для тебя... Дорогой...

Читает:

– Я знаю, ты меня не любишь. И знаешь почему? Как сказала одна семилетняя девочка, любовь – это когда папа видит маму утром без макияжа или вечером уставшей после работы, и все равно говорит, что она умнее и красивее, чем Мерилин Монро, целуя ее. А для тебя любая девушка, даже если она глупая и неинтересная, лучше и красивее меня. – И склонив голову набок: – И ничего поэтому сделать нельзя... Любимый!

Она отворачивается от него, и одинокая, крупная слезинка катится по ее щеке.

Первый актер подходит к ней, ладонью обнимает ее мокрую щеку, осторожно губами дотрагивается до ее полуоткрытых мягких губ... Целует.

– Обними меня, – просит она.

– Тебе холодно?

– Мне всегда холодно, когда ты рядом, но не со мной.

– Я с тобой...

Помолчали.

– Когда я родилась, Бог сказал, что я не буду счастлива.

– Какая глупость!

– И ничего не глупость! Может, у Него настроение было не очень... И Он сказал: «Да! Ты будешь несчастлива». И может, Он потом пожалел, но было поздно. Он уже сказал...

– Кто?

– Бог.

Первый актер улыбнулся.

– Смеешься?

В ответ он утвердительно махнул головой.

И глядя на него, она осторожно говорит:

– Знаешь, мне иногда с тобой страшно... – Она вопросительно смотрит на него. – Я не знаю твоего прошлого. У тебя есть оно?

– Есть, но я его не люблю!

– Ты когда-нибудь мне расскажешь?

– Нет! Незачем... – И обращаясь в зал: – Нельзя брать прошлое с собой и нельзя оглядываться, от этого умирают...

Занавес падает. Мы слышим жидкие аплодисменты. Одинокие крики «Браво!»

Занавес поднимается, и они втроем кланяются под робкие аплодисменты.

Кафе...

– Она делает вид, что не видит меня. Глупая... Но я ведь чувствую... Она обращает на меня внимание, даже когда смотрит мимо. Ха-ха-ха! Я умный... Я чувствую... – И глядя на нее неожиданно: – Я так часто вспоминаю тебя... А может, не тебя, а то время, когда я был с тобой. Помнишь? «Дяденька шофер, остановись в этом селе, а то мне еще три километра пешком идти». Это когда мы летели в том кукурузнике. Самолет был старый, пассажиров человек десять, и сидели мы на скамейке которая шла вдоль борта самолета. Я никогда такого не видел, дверь в кабину самолета была открыта, она болталась и скрипела. «Дяденька шофер... Ну пожалуйста!» – кричала она летчику через наши головы. С тобой была истерика. Ты никак не могла поверить, что это происходит наяву. И что это самолет а не трамвай. Никаких кресел, одна скамейка на всех, и эта девчушка с дрожащим голосом в шуме моторов, и трясло нас невероятно.

А как ты плакала, когда я тебе сказал, что все, мы расстаемся... Ты ревела белугой... Ты не могла остановиться. Я не мог уйти и взял тебя с собой. У Ганса было полно народу. Сидели на кухне... Пили... Болтали... Кто-то играл на гитаре... И вдруг ты, всех перебивая, начала

говорить. Ты говорила и говорила, уже никто не пел, не играл на гитаре. Все повернулись к тебе и слушали... Ты говорила долго и много. Но никто так и не заметил, что ты плачешь...

Да! Ты была самая клевая моя подружка! Когда мы были вместе, я был счастлив. Правда. Ты создавала такую атмосферу... Когда ты была рядом, хотелось жить. Хотелось беситься. Хотелось гулять. И смеяться!

Ты помнишь? Познакомились мы на работе. Сидели в одном кабинете, и я был скорее твоим коллегой, чем начальником. В первый день ты сказала, что тебе надо поработать в кабинете соседнего здания и, если ты мне понадобишься, то будешь там. И конечно, ты мне понадобилась. Я пошел в соседнее здание в кабинет, где ты работала. Была зима, и ты носила вязаную шапку. Я заглянул в кабинет и увидел блондинку, очень даже симпатичную, которая что-то печатала. Увидев, что тебя нет, я обратился к ней: «Ты Таньку не видела?» Ты посмотрела на меня как на идиота и сказала: «Отмороженный какой-то... Это же я!» И недоуменно пожалала бедрами. Только ты это умела делать. Я рассмеялся. И мы стали друзьями. Ходили обедать вместе... Удирали с работы попить кофе и поболтать...

Помню, как мы решили в очередной раз сбежать на кофе. Ты пошла чуть раньше, чтобы не было подозрительно. Дорожка шла мимо нашего здания, затем были два поворота и улица. Дойдя до первого поворота, ты обернулась и, увидев меня, чуть притормозила. Затем зашла за угол, остановилась и, не оборачиваясь, ждала меня. В этот момент из соседнего здания вышел мужчина. Услышав его шаги и думая, что это приближаюсь я, ты пошла медленно, невероятно крутя задом. Мужчина, увидев это, сказал: «Ого! Это для меня?» Ты повернулась, увидела, что произошло, и начала истерически смеяться. «Нет, – сказала ты. – Это я для того отмороженного», – и показала на меня. Мужик ответил: «Могла бы и соврать». – «И что бы было?» – съязвила ты... Я подошел, ты взяла меня под руку со словами: «Я это сделала правда для тебя». «Танька, – ответил я. – Если ты надеешься спать со мной, забудь! У меня девушка есть». – «Ой! Ой! Геморрой большой! Та на хрен ты мне сдался! Подумаешь, у него девушка есть!» И забрав руку, пошла вперед. Но уже через минуту, повернувшись, сказала: «Ну чего идешь так медленно? Кофе остынет!»

Ты была потрясающая... В тебе сочетались грубость и сентиментальность. Помню, голос твой был слегка грубоват. Как у заядлого курильщика. И этим голосом и своим поведением ты вводила многих в заблуждение. Ты как-то рассказала, что однажды в общежитии, где ты жила, к тебе обратилась соседка с просьбой прикурить. На что ты своим грубым голосом и тоном ответила: «Я не куру». Соседка, не поверив своим ушам, удивленно спросила: «Ты не куришь? – И обращаясь к своим в комнате: – Хорошенькое дело! Как вам нравится? На ней пробы негде ставить, и она не курит».

Никто не верил, а ты ведь действительно никогда не курила. Но, как мне помнится, страшно материлась. Как последний биндюжник.

Однажды ты познакомилась с парнем. Он только освободился, отсидев срок, но что удивительно, остался, несмотря ни на что, порядочным. После вашего первого свидания он жаловался мне: «Хорошая баба Танька, но так матерится! Понимаешь, когда я с ней, у меня такое ощущение, что, блядь, с зоны не выходил...».

Я смеялся и не мог остановиться.

Но Танькина история закончилась обычно. И очень грустно. Она встретила какого-то обалдуя. Вышла за него замуж. Родила девочку. И пожив с ним лет пять, развелась. Вот и все... А мне казалось, что ее жизнь сложится более удачно. Она этого заслуживала.

И... Его взгляд остановился на девушке.

– К кому же она пришла? И почему его нет? Или он здесь, но мы его не видим?

Эзра посмотрел кругом и внезапно подумал: «Смысл жизни... В чем же смысл жизни?..»

Еще раз окинул кафе задумчивым взглядом.

– Нет! Его здесь нет! Не понимаю... Как можно не прийти или опоздать к такой девушке? Она здесь. А он где-то там...

И опять подумал: «Так в чем же смысл всего этого? Жан-Поль Сартр, например, говорил: "Если мы должны умереть, то наша жизнь не имеет смысла, потому что ее проблемы остаются нерешенными и остается неопределенным само значение проблем". И еще он сказал, что "все сущее рождено без причины, продолжается в слабости и умирает случайно. Абсурдно, что мы родились, абсурдно, что умрём". Какая невыносимая правда! Или нет?!»

Я представляю...

Театр... Сцена... Красные, желтые, оранжевые цвета...

На сцене два актера в ярких одеждах нищих.

Первый актер:

– Я почувствовал прикосновение грусти...

Второй актер:

– Будьте хозяином своей воли и рабом своей совести.

Девушка из кафе в порванном желтом платье и босиком.

Прижимая руку к груди, с театральным выражением произносит в зал:

– Эзра! Не верь ей, Эзра! Не верь! Мы должны быть вместе, Эзра! Когда мессия придет, мы должны быть вместе!

Первый актер:

– Я умираю... И почему эта жизнь должна закончиться? Я не хочу этого...

Он посмотрел на девушку и на второго актера.

– Мне нужно еще так много рассказать...

Второй актер:

– Ты не должен еще умирать... Ты должен еще много рассказать.

Девушка из кафе:

– Да! Ты обязан рассказать о тех людях, которых встречал на своем жизненном пути.

Первый актер:

– Я знаю! И если я о них ничего не скажу, то они как бы и не существовали. – И в зал:
– И может, и обо мне кто-то расскажет...

Девушка из кафе:

– Не умирай...

Занавес падает. Мы слышим жидкие аплодисменты. Одинокие крики «Браво!»

Занавес поднимается, и они втроем кланяются под робкие аплодисменты.

Кафе...

– Так. Пора уходить. Да! Она обращает на меня внимание. Мне кажется? Нет! Я чувствую... Ах! Как бы мне хотелось еще раз ее встретить...

Эзра обвел кафе грустным взглядом, взглянул еще раз на девушку и...

«Куда все уходит? – подумал он. – И почему? Вот посмотрим фильмы семидесятых, и слезы каплют... Актеры молодые, красивые... И она... Ах! Как же она хороша...»

– Почему ты не стал актером? У тебя ведь все данные, и внешность подходящая, – спрашивает она. И смотрит на него с какой-то неопишуемой нежностью.

Он в ответ пожимает плечами и случайно, незаметно для нее, кладет руку на спинку ее стула. Она, не видя этого, прижимается спиной. И... Чувствует прикосновение, чувствует спиной его руку и боится шелохнуться. Ах, трепещет она... И он от волнения молчит, смущаясь.

«Не забирай свою руку, – проносится в ее голове. – Не забирай...»

И все их чувства на их лицах, в их позах.

И как же на это приятно смотреть... Мы смотрим и переживаем.

– Не забирай свою руку... – повторяем мы вслед за ней с замиранием сердца – Не забирай...

– А сегодня ему восемьдесят... А она умерла пять лет назад... И он одинокий... И он старый... И все, что ему остается, это воспоминания.

«Не забирай свою руку – проносится в его голове. – Не забирай...».

– Ах! Как это грустно...

Раньше я завидовал актерам: они могут видеть себя молодыми, стройными и влюбленными.

– Сколько это мне здесь? Двадцать-двадцать пять... – вспоминают они. – А сейчас я думаю: как хорошо, что я не актер! Не хочу себя видеть молодым и влюбленным в нее. Ведь уже пять лет, как ее нет, а я есть, и я старый и одинокий... Нет! Хорошо, что я не актер... Достаточно фотографий.

– Да что это со мной сегодня? – спросил он себя. – Мне ведь еще не восемьдесят... И Хана моя при мне...

– The falling leaves drift by my window... – поет Эдит Пиаф. На все кафе. И у него такое ощущение, что актриса поет оттуда, где она сейчас...

*The falling leaves of red and gold
I see your lips the summer kisses
The sunburned hands I used to hold*

И он чувствует прикосновение грусти. А Эдит Пиаф продолжает:

*Since you went away the days grow long
And soon I'll hear old winter's song
But I miss you most of all my darling
When autumn leaves start to fall*

*(Падающие листья дрейфуют под моим окном,
Падающие листья красного и золотого цвета.
Я вспоминаю твои губы, летние поцелуи,
Загорелые руки, которые я держал...)*

*Дни стали очень длинными без тебя,
И скоро я услышу песни зимы.
Но знаешь, когда мне больше всего тебя не хватает,
любимая?
Когда осенние листья начинают опадать)*

«Так в чем же смысл жизни? – подумал Эзра. – И есть ли он вообще?»

И опять он вспоминает фильм... Нет! Он видит...

Актер, еще молодой, подходит к ее дому... Заходит в подъезд... Садится в лифт и поднимается на ее этаж... Подходит к ее двери... Указательным пальцем нажимает кнопку звонка... Мы слышим один короткий звонок. Мы видим, как он прислушивается. «Интересно, она дома?» – проносится в его голове. За дверью ничего не происходит, тишина... И он никак не может решить, звонить ли еще раз. И внезапно мы слышим шаги, а затем сонный, как нам кажется, голос спрашивает:

– Кто там?

- Я! – смущаясь, говорит он.
- Ты?! – радостно спрашивает она.
- Я! – радостно говорит он.

Резко и широко распахивается дверь. Она молодая и голая в лучах утреннего солнца. Он ничего не видит: солнце бьет прямо ему в глаза. Он видит (и мы тоже) только ее силуэт. Желто-золотистые цвета... Ее счастливая улыбка... Она бросается в его объятия... И они соединяются в одно целое...

Ах! Какая красивая сцена... Нет, не сцена, а картина, и они, застывшие в ней...
И...

Эзра поворачивает голову к девушке. Она действительно хороша и чем-то напоминает актрису. Она одиноко сидит за своим столом и ждет того, к кому пришла, и не подозревает, как быстро все проходит. Ему вдруг захотелось подойти к ней и сказать:

– Знаешь, дорогая... Мы не можем изменить конец... Это невозможно!

Я вспоминаю...

Она голая... Надевает мой халат... Хитро улыбается... Он для нее невероятно большой: длинный и широкий. Она может обернуть себя им три раза. Выглядит она потрясающе. Смуглое тело... Великолепная фигура... Длинные ноги... Маленькая грудь... Рыжие волосы и прическа а ля Анжела Дэвис... Она распахивает халат и медленно, с улыбкой и рычанием, приближается ко мне. Я стою замороженный и голый. Нет! Мне красивой такой не найти... Она надевает мой черный галстук, другой, красный – мне... Смотрит на нас в зеркало. Мы голые и в галстуках...

– Мы такие с тобой красивые... – И склонив голову набок: – И элегантные...

Затем она медленно поворачивается ко мне, обнимает меня, держа края халата, и мы вдвоем внутри халата. Ах! Как же это уютно... Я могу стоять так вечность... Или нет? Она опускает руки ниже моей попы и поднимает меня. Откуда у нее силы поднять меня? Все с тем же рычанием она бросает меня на кровать. Прыгает и садится сверху... смеется... я лежу на спине, она сидит на мне, раздвинув ноги... распахнутый халат... ее маленькая грудь... Нет! Мне красивой такой не найти... Она наклоняется, прижимается маленькой грудью к моей груди... И наши сердца бьются как одно... Или нет? И она шепчет мне на ухо:

– Люби меня... Ржавенький!.. Люби меня...

И целует... целует прямо в ухо... Ощущение блаженства... И я исчезаю...

Как же ее зовут?..

Театр...

Сцена... Красные, желтые, оранжевые цвета....

Второй актер:

– Если лежат двое, то тепло им, а одному как согреться? – Грустно улыбаясь: – Это говорю я, Кохэллет, сын Давида, царь над Израилем в Иерусалиме...

Занавес падает. Мы слышим бурные аплодисменты и крики «Браво!»

Занавес поднимается, и на сцене никого...

Мы смотрим в зал – и там никого...

Кафе...

– Я должен встать и уйти... Какая же она была красивая в моем халате и одинокая... И эта одинокая... Она одна сидит за столом и пьет кофе...

Она уже не везде... она за столом одна... и в очереди ее нет, и за барной стойкой ее нет... И выглядит она очень одиноко... Прямо как у Пикассо «Любительница абсента». Но вместо абсента кофе... И сидит она за столиком, который тоже в углу зала, и линии угла комнаты напоминают крест. Такой же, как на картине, и такое же ощущение, что она несет крест на себе за всех, за нас...

Он задумчиво оглядел кафе.

– Приходит момент, и ты вдруг осознаешь, что все, жизнь прошла. И совсем не так, как ты ожидал. Но иногда, когда выпьешь абсента, появляется надежда... Что все-таки есть возможность выбраться из этого болота... Спаситься... Ведь может быть... А?

Настойка абсента была самым модным напитком Парижа начала XX века. Согласно легенде люди которые ее пили, не были обычными алкоголиками, а страдали какой-то возвышенной формой зависимости. И еще якобы абсент – это не просто алкогольный напиток, а напиток, погружающий тебя в особый мир, мир фантазий, где все фантастически красиво. Но когда проходило его влияние, ты чувствовал не просто одиночество, а великое одиночество, и тебе хотелось себя обнять, чтобы почувствовать: ты как бы не одинок...

Разве это мы руководим своей жизнью?

Разве все в наших руках?

Разве это мы делаем выбор?

Разве это я себя обнимаю, руками с тонкими и длинными пальцами?

И он опять посмотрел на нее. На девушку...

Ха! А она следит за мной... Я чувствую... Может, она чувствует мое одиночество... Или мне кажется... Или нет... Сомнения...

Посмотрел вокруг невидящим взглядом:

– Главное в отношениях – это сомнения! Да! Сомнения... Определенность убивает отношения, я точно знаю! А может, и нет! – С еврейским акцентом: – Я знаю???

Я вспоминаю...

Мы в парке... Осень... Листья... Солнце... Детская качалка... И она напротив... Красотища...

Мы сидим на детской качалке, курим и треплемся. То молчим, то треплемся. Прохладно. Даже холодно... И все же я люблю осень. Это моя любимая пора года. И все самые значительные события моей жизни происходили осенью. Ха! Только сейчас до меня это дошло. И с ней... Мы встретились с ней тоже осенью... Да! Осенью...

Я вспоминаю...

Стою в трамвае, в проходе, и держусь за поручень. О чем это я тогда думал?

Я представляю...

Театр...

Сцена... Красные, желтые, оранжевые цвета....

Девушка из кафе в рваном желтом платье и босиком. Прижимая руку к груди, с театральным выражением произносит в зал:

– Нет, нет, нет! Не верь ей, Эзра, не бросай на ветер волшебство, которое существует между нами! Не верь ей! Мы должны быть вместе, Эзра! Когда мессия придет, мы должны быть вместе!

Первый актер:

– Когда я думаю о таких людях, как Миля, Яша Столяров, Боря Клейман, Мика Воловдовский, меня берет ужас. Только представьте! Они прожили ту жизнь, и другой у них не будет... Никогда!

Обводит всех взглядом.

Девушка из кафе:

– Поэтому ты должен о них всех рассказать.

– Как же мне выбрать? Как выбрать? Их ведь так много... Неизвестных, которые исчезли в никуда... А у меня так мало времени... Вот, например, Ганс. Кто о нем расскажет, если не я? Или моя мама, Ольга Бускис... Мой Зейда Абрам... Мой папа Хаим... А городские сумасшедшие?! Миля, Боря Клейман... Сумасшедшие... Нет! Они не были сумасшедшие... Мы думали,

что они сумасшедшие. Нет! Сейчас я знаю: они не были сумасшедшие. Они были свободные... Они говорили и вели себя, как чувствовали, а не как надо, как положено... Свободные люди... А мы называли их сумасшедшими...

После паузы:

– Лучше быть сумасшедшим, чем рабом! Лучше быть сумасшедшим...

Девушка из кафе:

– Почему?

Первый актер:

– Быть сумасшедшим – значит быть свободным! Свободным от всего! – Задумавшись: – Нет! Они не сумасшедшие... Они были другие... Они просто освободили свой разум от всякого контроля и позволили своим мыслям витать без всяких ограничений, без какой-либо последовательности. Они брали образы, знакомые нам с детства, и соединяли их каким-то им одним ведомым способом, так что в их сознании получались какие-то сюрреалистические картинки. Они видели то, что нам не дано видеть... И еще... Слова, которые мы используем в обычной жизни, они использовали по-своему по-другому, и поэтому у них возникали идеи, на которые мы ну просто не способны. Недаром великие умы, на наш взгляд, тоже немного сумасшедшие. «Ненормален тот, кому не интересно, который час на моих растекшихся циферблатах, а они ведь показывают точное время...» – говорил Сальвадор Дали.

Он задумчиво посмотрел на девушку, на второго актера и, смотря в зал:

– Неужели... Неужели нельзя жить так, как тебе хочется?! – После паузы: – Нет! Я просто обязан о них рассказать... Чтобы все знали и помнили о них... и, может, рассказали другим...

Второй актер:

– Я, Кохэлэт, сын Давида, царь над Израилем в Иерусалиме... И я говорю: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после».

Первый актер:

– А я должен попробовать... Я обязан рассказать о всех них! Ведь если я о них ничего не скажу, то они как бы и не существовали...

Пауза...

– Вот! Опять почувствовал прикосновение... прикосновение грусти...

Девушка из кафе:

– Не умирай! Рассказывай...

Первый актер:

– Так с чего начать?

Девушка из кафе:

– С тех двух резников кур. Когда тебе было семь или восемь... Кто о них вспомнит, если не ты?

Первый актер:

– Хорошо. Слушайте...

Жмеринка...

Маленький город, маленький дом. И я маленький. Мне семь или восемь. Я стою у резника. С большой соломенной корзиной с двумя круглыми ручками. В корзине две курицы, у которых одной темно-синей тесемкой завязаны лапы, а другой перевязаны крылья.

Я стою в маленькой комнате и смотрю на двух пожилых мужчин. Они оба в ермолках, с бородами и пейсами. Оба почти моего роста. Они режут кур и разговаривают. Я заморожен действием, которое происходит перед моими глазами.

Я вспоминаю...

Резник разговаривает с коллегой и не обращает никакого внимания на меня (в его глазах я просто не существую).

– Человек так устроен, что он должен верить во что-нибудь, и он верит... Но люди, которые сомневаются в существовании Бога, выбирают себе человека и начинают его обожествлять, думая и веря, что он знает ответы на все вопросы! А этот чело век, видя поклонение людей, придумывает законы и правила, по которым все они живут, но себя он не ограничивает этими законами! И люди, поклоняясь ему, уже этого не замечают или даже прощают... Он ведь Бог... Удивительно! Как человек со своими слабостями, обычный человек становится объектом поклонения... то есть он объект идолопоклонства! А Бог, пред видя это, предостерегал нас, говоря: «Вы будете рабами моими, а не рабами моих рабов!»

Так почему же люди об этом забывают? Забывают и продолжают придумывать себе разных гитлеров, сталиных и прочих...

И не глядя на меня, одной рукой он берет курицу из моей корзины, прижимает ее рукой к туловищу, затем, двумя пальцами, берет ее за клюв, выкручивает ей голову так, что кожа на ее тонкой шее натягивается. Двумя пальцами второй руки он выщипывает маленькие перья на ее тонкой шее, продолжая разговор с коллегой, берет острый нож-бритву и резким движением перерезает ей горло.

Я смотрю на это, затаив дыхание...

Из разрезанного горла курицы хлещет струйкой, нет, струей, кровь, которую он направляет в специально отведенное место. Перед ним стоит специальный стол с отверстиями, напоминающими воронки. И в одну из таких дырок-воронок он вставляет только что зарезанную курицу, которая бьется, бьется, бьется в предсмертных конвульсиях..

И я заворожено смотрю, как курица умирает... Умирает... Умирает...

Назад в театр...

Второй актер:

– Участь сынов человеческих и участь животных – одна. Как те умирают, так умирают и эти, и одна душа у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все суета! Суета сует... Это говорю я, Кохэллет, сын Давида, царь над Израилем в Иерусалиме, суета сует, – все суета! Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвращается в прах. И кто знает: душа сынов человеческих восходит ли вверх и душа животных сходит ли вниз, в землю?

Девушка из кафе:

– Ах! И все же это красиво... и грустно, что их больше нет! Что они исчезли... И никто кроме нас их не вспомнил... – Обращаясь к первому актеру: —Но ты молодец! Ты начал о них рассказывать, и они как бы оживают...

Занавес падает. Мы слышим жидкие аплодисменты. Одинокие крики «Браво!»

Занавес поднимается, и они втроем кланяются под робкие аплодисменты.

Кафе...

Все! Встаю и ухожу... Я чувствую, как она не хочет, чтобы я уходил. Не буду смотреть на нее, вдруг это ей поможет. Она должна смириться с мыслью, что я не тот, к кому она пришла.

– Это не он! То есть это не я... Ты просто мне понравилась...

И внезапно...

Он вспомнил... Нет! Скорее, это фантазии...

– Знаешь, любимый, мне сегодня приснился молодой человек, высокий, крепко сложенный, симпатичный... Он выполнял любую мою просьбу, любое желание, но взгляд у него при этом был холодный, неприветливый. И он почему-то был груб со мной. – И улыбаясь: – И тем не менее он был великолепен... – Задумчиво: – А может, я чем-то его обидела, не зная того, может, сказала чего... – Улыбнулась грустно. – Ах! Но как же он был хорош... Он шептал мне слова, от которых мне не было стыдно... – И говоря как бы куда-то вдаль: – Я готовила для

него, убирала в его квартире... И мне кажется, что я получала удовольствие от всего этого... Странно...

– А я и не подозревал, что ты все это умеешь делать. Наверно, потому что все это было во сне? – с надеждой спрашиваю я. И чувствую, как во мне закипает ревность.

– Да, наверно... Но потом я ушла. И ушла навсегда... Я должна была это сделать. Это ведь был не наш с ним дом, а его. Но как же мне не хотелось уходить... Уходить от него... Я сделала завтрак, мы ели, болтая, а затем я встала и ушла...

– Зачем?

– Я должна была уйти...

– Почему?

– Он принимал меня за другую... А мне не хотелось ему объяснять, кто я на самом деле.

– А кто же ты была на самом деле?

– Я была я, но из другого племени... А он думал, что мы из одного.

– Он был не еврей?

– Я была не еврейка...

– Странно... Мне никогда не снилось, что я не еврей. Когда мне было лет десять, я не хотел быть евреем. Мне надоели насмешки, подколки, но чтобы снилось, что я не еврей... Ни разу!

Я смотрел на нее, но она была в своем сне.

– И что ты ему сказала? – спросил я.

Она вздрогнула. Как будто проснулась...

– Я сказала... Я сказала ему: «Я должна покинуть тебя, исчезнуть из твоей жизни». Он все понял, ментально... И ответил еле слышно: «Хорошо...». Я объяснила: «Сейчас я пойду в ту сторону, а ты развернешься и, не оглядываясь, уйдешь в противоположную. Ты меня оставишь так же, как я оставляю тебя...». – «Хорошо», – прошептал он еще раз. А затем, смущаясь, добавил: «Мне очень хочется сказать тебе что-то на прощание, ман либе (моя любовь), но я не знаю что...». И мне показалось, что у него появились слезы... А ведь он был сильный и грубый со мной... Я ничего ему не ответила, а подумала: «Я буду помнить тебя до тех пор, пока жива». А затем... Затем я развернулась и ушла...

Мы молчали какое-то время.

– Но ведь это был сон? Правда? – не выдержал я.

Она ничего не ответила. Она молчала...

Затем, грустно улыбнувшись, спросила:

– Я не обижу тебя, если скажу, что я о нем всегда помню?

...Он глотнул остаток холодного кофе, посмотрел на девушку...

– Все! Встаю! – решительно сказал себе.

Он встает... Идет к выходу... Девушка, смотрит ему вслед... Он чувствует ее взгляд, но, не оборачиваясь, идет к выходу, открывает дверь. И... Все! Он ушел.

Улица...

Эзра идет по улице: пешеходы, машины... Шум уличной толпы... Он идет по тротуару и не замечает ничего кругом. Он размышляет:

– Как наши мозги работают? Иногда смотришь в зеркало, умываясь, или когда бреешься, чистишь зубы, и вдруг совершенно неожиданно набредаешь на интересную идею, мысль и, бреясь, разрабатываешь ее... Думаешь, она подходит к той или иной сцене... к месту в рукописи... И плавно, как-то незаметно для себя, переходишь к воспоминаниям и не знаешь, что с ними делать... Они тебя захлестывают... Ты вдруг думаешь: «Какой же я был дурак... просто идиот... как я мог так поступить... так ей сказать...». Нет! Это невыносимо... Всплывает ее лицо... Глаза с удивительным разрезом... руки...

– Не знаю, помнишь ли, как я была у Зины. Мы готовились к экзаменам, и ты зашел так просто поболтать. На меня ты тогда никакого внимания не обращал. Я для тебя просто не существо вала... Уходя, сказал Зине, что зайдешь завтра, мол, обмоем экзамен и, неожиданно повернувшись ко мне, спросил: «Ты будешь завтра?» – «Буду...». И подумала: «Конечно, буду...». Назавтра сидели у Зины... Я все время думала: вот-вот в дверь позвонят, и ты войдешь... А тебя все нет и нет... Не выдержала и спросила Зину: «Ну, когда же он придет?!» А она посмотрела на меня удивленно: «Да он уже давно забыл про нас! Не придет он». Ах! Как же мне стало грустно... Мне хотелось расплакаться прямо там, но сдержалась. И просидела у нее весь вечер. А при шел ты около часу ночи как ни в чем не бывало и, удивленно посмотрев на меня, спросил: «Ты чего здесь так поздно?» А Зинка: «Ты же вчера сказал, что зайдешь, мол, экзамен обмоем». – «Я?!» – «Вот козел! – вспыхнула Зина. – И повернувшись ко мне: «Ну! Я же говорила, что он забыл! Вот козел!» А я ведь так ждала тебя... Как же ты не услышал? Не почувствовал? И еще подумала: «А может, не надо хотеть тебя, если ты хочешь провести жизнь не со мной?»

Вспоминаешь это, как будто все произошло не пятнадцать-двадцать лет назад, а только что... Сейчас... И... Плавно переходишь к другой, к той, которая тебя забыла... Тебя бросила... Ах! Как же она могла...

– Как ты могла? – вырывается неожиданно. – Как она могла увлечься другим? Как?!

Стонешь ты... Может, она влюбилась... или, может, просто захотела секса и именно с ним...

– Как ты могла?!

Кричишь и не видишь, как люди на улице оборачиваются.

И вспоминаешь, как ты умирал... как шел по улице, умирая, и думал, что не стоит жить, и зачем... Ты шел и думал... какой смысл... или не так... Ты не думал... Ты умирал прямо там... Ты представлял ее и его... Ты слышал их поцелуи... Их стон... Бессмысленные слова, которые они шептали друг другу... Ты видел ее трусики, валяющиеся на полу... Ее комбинацию в углу комнаты... И умирал... Ты все это видел, слышал, хотя был от них далеко... В пространстве и во времени... Да! Ты слышал... и умирал... Или не так, ты умер! Ты умер тогда, и ты умираешь сейчас!

Ах! Эти мысли... Эти воспоминания... Они неприятные, но ты как наркоман не хочешь их отгонять от себя...

И вдруг, неожиданно, ты у зеркала... Ты видишь свое лицо, бритву и медленно возвращаешься к...

– Так это же я?

Да, вот мое лицо... и бритва, которой ты водишь по уже давно выбритому лицу...

Так! О чем это я? Ах, да!

Улица... Тротуар... И...

Он идет по улице...

Я вспоминаю...

Вечер... Осень... Парк... Мы сидим на скамейке, курим и молчим. Говорим и молчим. И как всегда неожиданно мой желудок... моя язва начала болеть... Вначале тихо и не очень сильно, но постепенно все страшнее и страшнее... Мне стало как-то неловко перед ней. Я очень не хотел, чтобы она видела, как мне больно. Я резко выбросил сигарету. Я уже не сообщал, что она говорит, не слышал... Я слушал свою боль. Я стал себе ее представлять, ее анализировать... где точно она зарождается... как она накатывающе распространяется... и как пульсирует. Так! Мне срочно надо что-то съесть, это помогает. Это голодная боль, я знаю. И если я срочно что-то съем, она, может быть, пройдет или, по крайней мере, мне станет легче. Черт! Как же болит... М-м, м-м, м-м... Как же мне больно... Да! Боль пульсирующая... Пуль-

Си-Ру-Ю-Ща-Я-Я... М-м, м-м, м-м... Я должен выдержать и не показать, что очень болит... Черт... Мне жарко... М-м, м-м, м-м... Ах, как жарко и душно... Я незаметно вытер лоб. Он был весь мокрый. Мое лицо должно быть спокойное. М-м-м-м... Как же мне больно... И как бы безразлично, хотелось бы думать...

– Мне надо срочно уйти, ненадолго...

Ее удивленное лицо...

– Что случилось?

– Ничего... Мне нужно... Я сейчас... Я должен исчезнуть на пару минут, подожди меня... не уходи...

И не дожидаясь ответа, я пошел в блажащий магазин. От боли я плохо соображал, шел как в тумане. Боль, боль, б-о-о-о-ль. В магазине я купил плавленый сырок, дрожащими руками засунул его в рот и стал жевать. Жевать... Жевать... И слушать, слушать, слушать свою боль. Наконец мне стало казаться, что она начала стабилизироваться, уже не нарастала... Я прислушался еще, и еще, и еще... Мне даже стало казаться, что она утихает. Медленно, чтобы не расплескать свою боль, пошел обратно. Мне казалось, я шел целую вечность. Мне так казалось... И вот наконец, парк... Скамейка... Пустая скамейка... Как?! Да, пустая... А где же она? Как, ее нет?! Нет! И мне стало казаться, что боль возвращается...

– Черт! Меня ведь не было всего ничего?!

Я посмотрел в сторону трамвайной остановки. Стал приглядываться. Это она? Да! Кажется, она... Стоит одна. Ее грустную фигуру ни с кем не спутаешь. И я пошел к ней, медленно пошел к ней... Подошел трамвай, она села в первый вагон, не замечая меня. Я еле успел прыгнуть на подножку второго вагона. Боль в желудке стабилизировалась, ее можно уже было терпеть. На следующей остановке я перешел в первый вагон. Она стояла ко мне спиной и не видела, как я к ней подошел. Я положил свой подбородок ей на плечо. Она испуганно повернулась. Ее удивление... и еще удивление... и наконец радостная улыбка...

– Ты?..

– Как ты догадалась?

Мы молча смотрели друг на друга.

– Ты почему ушла, не дождавись меня? Я же сказал, что скоро приду.

– Думала, что ты меня бросил. Я так подумала...

Боль... Боль в желудке наконец стала уходить. Я ее, боль в смысле, уже не слушал. А слушал свою любимую... Она смотрела на мое лицо, которое все еще лежало на ее плече, и улыбалась.

– И куда это мы едем? – спросил я.

– К тебе...

Вот так просто...

– К тебе... У тебя ведь дома никого?! Да?!

И склонив голову набок: – А?

И мне показалось, что это первый день моей оставшейся жизни.

Она внимательно на меня посмотрела:

– Я выберу самое красивое платье твоей мамы и надену его для тебя...

Я улыбнулся.

– И дай мне руку, а то ты опять исчезнешь, и я потеряю тебя навсегда...

Но имя... Как же ее звали?..

Устал!

Серьезно! Устал думать, устал писать... И Хана еще...

Каждый раз она выдает перлы.

Вчера она выдала в очередной раз:

– Если ты не знаешь, как это описать, значит, ты не писатель.
Вот так! Не писатель – и все!

Я вспоминаю...

Она выходит из комнаты... На ней темно-зеленое бархатное платье с красной брошью в виде цветка. Я поражен... Я никогда не видел на маме это платье.

– Где ты его нашла? – изумленно спрашиваю я.

– Где, где... В шкафу.

Она осматривает себя в зеркале, и по-моему, ей нравится.

Платье на ней короткое и широкое в талии, но, что удивительно, выглядит она в нем великолепно. Есть девушки, которые украшают мир, что бы они ни надели. Даже такое зеленое безобразие.

– Ну, скажи, ведь мне идет зеленый цвет? Правда? – склонив голову набок, спрашивает она. – Мне очень хочется тебе сегодня понравиться...

Левой рукой она держит подол платья, пока правая за спиной. Затем она медленно достает правую руку, и, как у волшебника, в ней оказывается черная мужская шляпа. Она кокетливо надевает ее на свою рыжую голову. Берет гитару, садится на журнальный столик, кладет ногу на ногу и смотрит на меня.

– Спою тебе песенку, – решает она.

– Так ты еще и поешь? – изумленно спрашиваю я.

Она не удостоивает меня ответом. Пробует пару аккордов на гитаре.

– Какую? – улыбаясь, спрашиваю я.

– Тум Балалайка.

– Ты не знаешь идиш.

– Знаю! Слушай и наслаждайся...

– Тум Бала, Тум Бала, Тум Балалайка, Тум Бала, Тум Бала, Тум Бала...

И слушая ее, я, как всегда не вовремя, подумал, что литература, живопись, музыка, искусство вообще сводятся к нескольким жизненным понятиям, о которых мы вольно или невольно постоянно думаем: это любовь, жизнь, смерть и... боль, сопутствующая всему этому. Всего четыре понятия! Вот из чего и состоит наша жизнь. И что интересно... Что такое любовь и смерть, мы знаем, как нам кажется. А вот жизнь... Что такое жизнь? Или в чем ее смысл? Или зачем мы живем? Я не думаю, что мы знаем...

– Тум Балалайка, Шпил Балалайка, Тум Балалайка, Тум Бала...

И еще... Нам нравится то или иное произведение, если оно близко нам по переживаниям. Мы смотрим, слушаем, читаем, и мы плачем, смеемся, завидуем, хотим быть там, с ним или с ней... или умираем вместе с ними... И думаем, может быть, вот в чем смысл всего этого... вот в чем смысл жизни... Или нет?... И опять сомневаемся, если оно не объясняет нам, что такое жизнь А боль... Боль – это другое... Боль не надо объяснять, она всегда с нами...

«Всю жизнь моей навязчивой идеей была боль, которую я писал бесчисленно», – говорил Сальвадор Дали.

Слушаю, как она увлеченно поет...

А ведь все очень просто! Доходит до меня...

Жизнь и боль – это когда она, рыжая, в темно-зеленом платье не по размеру, с черной мужской шляпой на рыжей голове, сидит на темно-коричневом журнальном столике и, скрестив великолепные ноги, перебирая на гитаре аккорды, читает мое любимое стихотворение Захаровой...

*Ловите меня, я созрела
И если я шлепнусь сейчас,
Душистое, нежное тело
Размажется в липкую грязь,*

*И осы зловещею стаей —
Нет, роем, — слетятся на труп,
И я никогда не узнаю
Тепла ваших губ, ваших рук!*

*И вами не будет укушен
Мой бок... Ах, какая печаль!*

Затем она подходит и, падая в мои объятия, заканчивает:

*Я – груша. Я – спелая груша.
Я сочная Бере – рояль.*

Ну как мне описать все это? Нет! Хана права. Я не писатель! Я художник! И это набросок, который я сделал для вас...

Улица...

Он все идет... Идет вдоль улицы по тротуару... Его задумчивое лицо...

– Так что же с нами происходит?! Правда! Что с нами действительно происходит?! Теория относительности... Время, которое относительно... Относительно чего? Да! Оно относительно всегда! Оно не само по себе...

Время и память... Обычные человеческие переживания включают в себя время и память. Ведь память – это остановившееся время! Как у Сальвадора Дали... Растаявшее, растекшееся время... Мягкое, как кусок сыра, камамбер на солнце... Но назвал он это «Постоянство памяти».

Так в чем же суть времени? В чем смысл жизни?

Почему так происходит? Все, чего мы хотим, приходит, но слишком поздно? Приходит, когда нам уже ничего не хочется, когда мы уже безразличны... И когда мы осознаем это, когда мы понимаем, что уже поздно, что ничего уже не хочется, уже не нужно, мы... Переходим в другое состояние... Мы умираем...

Какая-то не та стыковка... нестыковка со временем... Не поэтому ли нам иногда так хочется его вернуть... Вернуть время... Или вернуться в прошлое... Нажать какую-то кнопку в машине времени и... Ах, как бы это было здорово... Я бы столько переделал... Я бы столько изменил... Или нет?!

Так в чем же суть времени? В чем смысл жизни?

Смысл жизни не в познании объекта субъектом, а в осознании объекта как субъекта... Ха! Ха! Ха!

Он посмотрел кругом, но ничего не видел.

«Если человек начинает интересоваться смыслом жизни или ее ценностью, это значит, что он болен», – говорил Зигмунд Фрейд.

– А может быть, время, в котором мы живем, заболело? И от этого все не так? Больное время... Ха! Опять... Время... Больное время – это даже смешно...

Да! Желание чего-то или кого-то держит нас в этой жизни... Или нет?!

Я вспоминаю...

Еду в трамвае. Стою в проходе. Так о чем же я тогда думал? Хотел чего-то... Я всегда чего-то хотел... желал чего-то... Я обернулся и увидел ее... Сначала увидел ее рыжие волосы и прическу а ля Анжела Дэвис. Затем попались ее глаза с удивительным разрезом... губы... Она смотрела в окно и о чем-то думала. Темное длинное пальто... высокие сапоги на высоких каблуках... Она так классно выглядела... Мне казалось, что все обращают на нее внимание. Должны обращать на нее внимание... А она была одна... И я подумал, как такие девушки умудряются быть одни? За такими девушками должны толпы мужиков гоняться. А она должна их отгонять как мух поганых. И еще подумал... Нет! Мне красивой такой не найти!

Я посмотрел на нее еще раз. Нет, такие девушки не для меня. Вернее, я не для них. Им подходят голливудские красавицы. Высокие и журнальные. А нас такие не замечают...

Неожиданно она посмотрела на меня. Да? Или мне показалось? И еще мне показалось: она пытается что-то вспомнить. Или нет? И еще раз посмотрела... и еще...

Я вдруг почувствовал: что-то сейчас произойдет... Она медленно шла ко мне... Или мимо?

– Извини, – начала она.

«Иностранка... Сейчас спросит, как пройти куда-нибудь», – мелькнуло в голове.

– Ты не из Жмеринки?

Я настолько поражен... Неужели она обращается ко мне? Ха! Меня никто в этом городе не знает, здесь случайно... Нет! Я ослышался.

– А?

– Ты случайно не из Жмеринки?

Я охренел. И после паузы... Как мне показалось, большой паузы...

– Да!.. Из Жмеринки...

Смотрю на нее, не мигая. Мне не верится. Мне даже как-то неловко. Нет! Это невероятно! Я даже не знаю, о чем спрашивать. А она продолжает:

– И учился в Водном?

Какой-то маразм...

– Да... Учился...

«Кто? Кто же она такая?» – мучительно думаю.

– И тебя турнули с третьего курса?

Прям КГБ какое-то...

– Ну?..

– Эзра? Ой! Со мной сейчас припадок будет. Неужели это ты?

– Я!..

– Невероятно... Это просто невероятно! И что это судьба с нами делает? Эзра... Как ты здесь оказался?

Я в замешательстве, еще не веря, что она говорит именно со мной.

– Пересадка была, и я отстал... В туалете сидел и не слышал объявление... Теперь самолет только завтра.

Несу какой-то маразм...

Она улыбнулась:

– В туалете задержался... Ах, как романтично!

И мне кажется, что я краснею. Еще этого не хватало...

– Иди в жопу!

– Да! Ты Эзра! – уверенно говорит она.

Я овладеваю собой.

– Так почему я тебя не знаю? Или знаю?

– Не помнишь? Институт... Студенческий театр...

Как-то неловко... Все по-дурачки...

– Не помнишь, как танцевали на ночной улице под одинокое соло саксофона?

Черт... Не помню...

– А я часто вспоминаю... Веселее компании у меня в жизни не было!

Какая она все же красивая... Вот козел! Как это я ее не помню...

– И как вы учили меня папе Дода говорить слова благодарности на идиш... И как мацой угощали...

– Конечно, помню... – осторожно говорю я.

Она смотрит и не верит.

Нет! Ни черта не помню...

– У кого-то из вас был зимний тулуп, и на штампе было написано: артикул-номер-шкурки русские.

– Это был мой тулуп, а шкурки бараньи...

Улыбнулась:

– Знаешь, я вам была страшно благодарна за свое театральное-жмеринское воспитание... –

Задумчиво: – А ведь это было в прошлой жизни... – С улыбкой. И с театральным выражением:

– Я пришла к тебе из прошлой жизни... Нет! Не так! Ты пришел ко мне из прошлой жизни... –

И еще раз улыбнулась, но как-то грустно. – Умение смеяться, и в том числе над собой, спасает меня всю жизнь.

Она склонила голову набок и опять улыбнулась.

Я посмотрел на ее склоненную голову, на эту улыбку, и сразу все вспомнил: ее, театр, Дода, всех ребят... Я даже вспомнил, как я впервые с ней заговорил. Не помню, о чем я ее спросил, но ее ответ... «Это что-то особенного».

– Он пережил когнитивный диссонанс! – сказала она небрежно.

– Чего? Когнитивный диссонанс? И что это значит? Небось, гадость какая – то?

– И никакая не гадость! Это когда твои представления о чём-либо или о ком-либо оказываются вдруг опрокинутыми реальностью. Например, когда человек внезапно открывает для себя что-то неожиданное, ну, знаешь, когда ты встречаешь вечером девочку такую красивую – и вдруг видишь ее утром ненакрашенной...

– Знаю! У меня так было... Только ненакрашенным был я! Оставляю себе! Как подарок... Если кто подумает, что дурак, сразу так небрежно скажу: «Ты просто в когнитивном диссонансе...» Пусть попу рвут от зависти!

Затем, посмотрев на нее внимательнее, подумал: «А ведь тогда она не казалась мне такой красивой... Вот козел!.. Как же ее зовут?..»

– Как все сложилось у тебя? Вид вполне respectable, даже после туалета...

– Ха! Ха! Ха! А ты что в этом городе делаешь? Живешь?

– Не поверишь... Тоже пересадка...

Как же ее зовут?..

– Какой-то пересадочный город!

– Как Жмеринка...

– Да!

И вдруг неловкая пауза...

– Ну? И куда ты сейчас? – спросила она небрежно.

– Не знаю... Собирался в гостиницу. Самолет только завтра. А ты?

– И у меня завтра самолет ...

И опять какая-то неловкая пауза...

– Гуляем?

Она посмотрела на меня, склонив голову:

– Если вспомнишь, как меня зовут, гуляем!

Неужели эта красотка согласится пойти со мной?! Блядство, как же ее зовут? Вот непруха... А-а, будь что будет... Наугад...

– Дина!

Она опять склонила голову и улыбнулась.

– Видишь, помню!

– Значит, гуляем...

Как же я обрадовался! И не только оттого, что она согласилась идти со мной, а еще потому, что угадал. В общем как говорили в Жмеринке: для того, чтобы быть везучим, не надо иметь ума, но для того, чтобы быть умным, надо быть везучим.

Улица...

– Как же я ее не заметил раньше? Как это было возможно? Только там, в трамвае, в том неизвестном городе я увидел ее... И какая она красивая... и веселая... столько времени потерял... Вот козел!

Он дошел до трамвайной остановки и стал ждать трамвай. Задумчиво оглядывает людей. Рекламные плакаты на стенках трамвайной остановки. Уставшие ждать трамвай люди. Звук полицейской сирены. А вот и полицейская и пожарная машины с шумом проскочили мимо. И дождь, дождь пошел... Неудивительно, осень все-таки...

– Хаим, посмотри, какая грустная курочка у нас во дворе! Может, сварить из нее суп? – вспомнил он последнюю хохму и грустно улыбнулся...

Подошел трамвай он посмотрел на номер... нет, не его... И хорошо... Не хочется никуда ехать... Подумать хочется...

Открылась трамвайная дверь... одни входят... другие выходят... А он стоит в одиночестве и думает...

Я представляю...

Театр... Сцена... Красные, желтые, оранжевые цвета...

Девушка из кафе в рваном желтом платье и босиком. Прижимая руку к груди, с театральным выражением произносит в зал:

– Эзра! Послушай меня, пожалуйста! Ты игрушка в ее руках. Каприз... ее каприз... А мы... Мы созданы друг для друга... И мы должны быть вместе! Эзра! Когда мессия придет, мы должны быть вместе!

Первый актер:

– Начало всегда трудно... Но я уже знаю... Я знаю, о чем говорить... Я уже выбрал!

Девушка из кафе:

– Ты выглядишь уверенно... Ты знаешь!

Первый актер:

– Да! Знаю! Я вспомнил их всех... И буду рассказывать о них обо всех! И о том городе, где все они жили...

Девушка из кафе:

– Ты помнишь, как этот город назывался?

Первый актер:

– Жмеринка! Он назывался Жмеринка!

Девушка из кафе:

– А я думала, это не реальный город, а придуманный, город для анекдотов... Делов аж до Жмеринки... или где вы купили это красивое платье? В Жмеринке. А это далеко от Парижа? Три тысячи километров. Ой! Вэй? В такой глуши – и такие модные платья...

В зале смех и жидкие аплодисменты. Девушка из кафе улыбается и кланяется публике.

Первый актер:

– Да! Это был великий горд... Одно название чего стоит... Жмеринка! Штейтл Жмеринка... Со своей культурой... Со своей уникальной культурой. Которая ушла в никуда и больше уже никогда не возродится.

Девушка из кафе:

– Ах, как же это грустно...

– Да! Очень грустно... Это был город философов, уличных философов. Однажды, когда спросили Яшу Столярова, отчего это в Жмеринке так много сумасшедших, он посмотрел на спрашивающего с недоумением и сказал: «Жмеринка – это большая узловая железнодорожная станция. Люди выходят из вагона пописать, купить мороженое. Они видят этот вокзал... этот город... эти улочки, людей... И тут они видят меня, Яшу Столярова, и они задумываются... И они говорят себе: “Как здесь красиво! Центральная улица, садик у вокзала, Пушкинская улица... Памятник Ленину... А большой базар чего стоит...” И тут они снова видят меня, Яшу Столярова! И они опять себе говорят: “Все! Я вспомнил! Этот город я знаю... я его видел во сне... Это он... Он мне снился!” Они прижимают руку к сердцу со слезами на глазах: “Это не просто город, это рай! И зачем нам куда-то ехать?” И я им предлагаю: “Оставайтесь!” А они: “Все! Мы остаемся...” – “Умэйн! (аминь)” Вот так!» – После паузы: – Опять почувствовал прикосновение... прикосновение грусти...

Девушка из кафе:

– Не умирай... Рассказывай... Расскажи про Жмеринку. Какая она была?

Первый актер:

– Хорошо... Слушайте...

Жмеринка...

Лето. Жаркий день. Мы в центре маленького городка. Шум уличной толпы... На улице много народу, все куда-то идут, спешат... По улице едут грузовики, редкие машины. Едут повозки, запряженные лошадьми...

Духовой оркестр из пестро одетых музыкантов марширует по улице. Барабанщик обращает на себя внимание: очень маленького роста, горбатый, на голове кепка с пуговицей посередине. Широкий кожаный ремень обхватывает его маленькое туловище, на котором висит огромный барабан.

Высокий мужской голос под аккомпанемент оркестра поет песню «Зингарелла» на идиш.

Дети и зеваки смотрят на оркестр в восхищении. Среди них высокий крупный парень лет двадцати восьми в пиджачке, который ему тесен, в маленькой кепке на крупной голове, в нервном возбуждении кулаком трет зубы и с болезненным восхищением смотрит на оркестр. Это Миля, местный дурачок.

Оркестр, минуя его, уходит вдаль. Толпа ребятишек бежит рядом.

Высокий мужчина в длинном старом вельветовом пиджаке, в шляпе с широкими полями и большим, повязанным на шее черным бантом быстрым шагом переходит улицу, не обращая внимания ни на оркестр, ни на машины, ни на повозки. У него под мышкой футляр от скрипки. Рядом с ним, еле попевая, почти бежит мальчик лет десяти с футляром от скрипки поменьше. Мужчине около пятидесяти лет. Длинные волосы развеваются при каждом его шаге.

Они направляются в винный погребок мадам Чарны, где люди будут пить вино и слушать скрипку, на которой будет им играть Столяров-старший с сыном.

– Мадам Чарна, – говорит Боця, один из ее постоянных клиентов. – Ваш погребок лучший во всей Жмеринке.

На лице Мадам Чарны появляется румянец. Она краснеет и смущается:

– Ой! Что вы такое говорите, Беницион...

А Боця, церемониально держа стакан с оттопыренным мизинцем, медленно и важно делает два глотка красного вина «Лидия». Продолжает:

– Вы, мадам Чарна, уважаете своих клиентов. В других погребках вино разводят сырой водой из-под крана, и это очень плохо для желудка. А вы, мадам Чарна, никогда! Вы разводите его только кипяченой...

Мадам Чарна еще больше смущается. Молча доликает Боце немного разведенного вина и с любовью смотрит на него.

Столяров-старший с сыном не видят ничего этого. Они играют. И как играют... Весь погребок наполняется музыкой. Еврейско-молдавские мелодии разливаются по всему погребку как молодое вино, вызывая слезы и восхищение.

Две скрипки... Гомон погребка, и мадам Чарна возвышается над всем этим... Это Жмеринка начала шестидесятых.

Назад в театр...

Девушка из кафе:

– Ах! Как это красиво... И грустно...

Первый актер:

– Почему прошлое нам кажется лучше и чище, более наивные, что ли? Почему?

Девушка из кафе:

– Может, потому, что мы были молодые...

Первый актер:

– Молодые, счастливые от ерунды... И думали мы только о дне сегодняшнем и еще думали: «Ах! Какие мы будем счастливые!» И еще: «И кем мы только не будем...» Ха! Ха! Ха! – Обращаясь ко второму актеру: – Если хочешь, чтобы Бог посмеялся над тобой, расскажи Ему о своем будущем.

Второй актер:

– Не говори: «Отчего это прежние дни были лучше нынешних?», потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом. Это говорю я, Кохэлет, сын Давида, царь над Израилем в Иерусалиме...

Занавес падает. Мы слышим жидкие аплодисменты... Одинокие крики «Браво!»

Занавес поднимается, и они втроем кланяются под жидкие аплодисменты.

Я вспоминаю...

Сажу за столом и пишу.

Солнышко... Лампочка... Гадость моя...

Мне очень тоскливо без тебя... Как жаль, что ты заболела и что меня нет рядом... Как бы мне хотелось поухаживать за тобой... Подать горячего молока, напоить тебя ложечкой какой-нибудь гадостью... Почитать тебе вслух «Ромео и Джульетту»... В лицах... Ты бы говорила за Ромео, конечно. Я бы все это сделал, будь я рядом с тобой, несмотря на то, что рисковал бы заразиться от тебя, заболеть и, может, даже умереть... Верить?!

Вчера «гудел» до чертиков, и в этом была и твоя вина. Думал, забыла Ржавого... Забыла, как целовала, как любила... Забыла, как говорила: «Опять небритый?» И когда садился в самолет, все ждал... думал, опаздывает, как всегда... А ты заболела... Ты больше не должна болеть хотя бы в день моего отъезда!

Вот! Я нарисовал для тебя... Голова кружочек... Туловище тоже кружочек и две палочки ручки и еще две палочки ножки... Узнаешь? Это ты... Грустная и больная ...

И тут ты спрашиваешь:

– А где ты?

– А я уже улетел...

Но кому это я писал... Кому?..

Улица...

А дождь все идет... мелкий дождь... Большинство пешеходов с зонтиками, но не все. Вот бежит молодой парень, защищаясь от дождя своим портфелем, накрывая голову им, забежал на остановку под крышу, улыбаясь, смотрит на меня. Вот подошла молодая девушка с зонтиком, сама уже внутри, а зонтик еще на улице, старается его закрыть... не получается... Наконец находит кнопку, нажимает и с облегчением закрывает его.

Дождь...

И вдруг у него сердце началось биться как-то учащенно, так что удары его стали отдаваться в голове.

Все! Все! Все!

Я остался один... Его больше нет!

Двадцать девятого июня в семь вечера по Берлинскому времени он умер...

Папы больше нет!..

И все!..

Нет! Не так. Неправильно. Так нельзя... Я не один... У меня есть моя семья... Сестра... Но той жизни, в которой я был маленький, уже нет...

Не думал, что будет так сложно и необъяснимо... Ловлю себя на мысли, что появилась какая-то свобода... свобода от всего. Границ больше нет. Не существует! И непонятно, как это связано с папой, вернее, с его смертью.

Он посмотрел кругом. Ничего не изменилось... Все как было... Как было, когда он был жив... Люди гуляют, кушают, смеются, разговаривают... и не знают, что его больше нет!

Как же мне обидно, что он умер...

Еще совсем недавно, когда я был у него, он командовал:

– Давай, давай! Что ты сидишь и ничего не пишешь? Ну! Пиши!

Как будто ты можешь писать по приказу... И мне казалось, ему нравилось что я пишу. Он сам писал, все его письма были хорошо написаны, и мама была его большим почитателем, все, что он писал, она читала, исправляла ошибки, поправляла язык и всегда хвалила.

Ну, как же мне его не хватает... И такое отчаяние берет... Не думал, что так будет...

Все думаю: если бы это или то, может быть, он бы еще жил... Так как же это происходит? Как будто кто-то, кто-то там решает: «Все, ему пора умирать». Или: «Нет, не сейчас, потом, на следующий год сразу после его дня рождения...»

Ах! Невыносимая обида... Его больше нет!

Ему как-то стало хуже не постепенно, а вдруг, сразу... Почти сразу после его переезда в этот дом. Дом престарелых...

Он не мог уже жить в своей квартире. Его так называемая жена все время уезжала куда-нибудь, и он был постоянно один. Он уже не мог сам кушать, руки дрожали, и еда не удерживалась в ложке. Я его уговаривал переехать в дом престарелых, а он сопротивлялся... как чувствовал... Почему? Как чувствовал... Он чувствовал!

– Ну как тебе там, папа? – спрашивал я. – Нашел уже себе друзей?

– Та ты понимаешь, они там все такие старые...

И я грустно улыбался. Ему ведь было восемьдесят семь... Но он чувствовал себя молодым, пятидесятилетним. И я его понимал. Он ездил на своей электроколяске по улицам, садился с ней в трамвай или в автобус и ехал по докторам, по магазинам, по всему городу... К себе на бывшую квартиру как бы за чем-то, мол, что-то забыл, а на самом деле чтобы увидеть ее... Свою так называемую жену... Он не мог поверить, что она его не любит и никогда не любила. Как он страдал... Он страдал из-за любви, вернее, от отсутствия ее...

Оказывается, любовь нам нужна в любом возрасте, и в любом возрасте мы страдаем точно так же, как в молодости.

Так, может, в этом и есть смысл жизни... В любви, черт бы ее побрал! Может, мы созданы для нее... И все, что мы делаем, все, чего мы добиваемся в личном или в профессиональном

смысле – это все мы делаем потому, что любим кого-то и хотим их удивить, доказать, что они правильно сделали свой выбор. А секс – это только ее составляющая... Пусть и значительная. Но ни в коем случае не главная...

Как же мы зависим от любви! Вот и пришло время, когда он не захотел больше жить... Незачем... Она его бросила... И он переехал в дом престарелых. Там за ним ухаживали, кормили его, мыли... Она за ним так никогда не ухаживала, но все равно он бы переехал к ней в любую минуту. Но... Она этого не хотела... Вначале он не верил, не хотел верить... Но вдруг он осознал... Все... И не захотел больше жить.

Я думаю, что это ужасно, когда не страшно умирать...

Или нет?..

Дождь... Дождь... Дождь...

Я представляю...

Театр... Сцена... Красные, желтые, оранжевые цвета...

Девушка из кафе в рваном желтом платье и босиком.

– Эзра... Твоя Жмеринка – это целый мир.

Первый актер:

– Да! Это целый мир... И когда я ее вспоминаю, мне приходит на ум Хаим Сутин. И до конца не понимаю, как они связаны между собой. Марк Шагал и его летающие влюбленные – это понятно. Я это видел. Я помню. Однажды, гуляя как-то поздней ночью по сонной и тихой Жмеринке, я вдруг услышал:

– Лунный свет слишком яркий, ман либе... (любимый).

Я обернулся, посмотрел по сторонам – никого... «Наверно показалось», – подумал я.

– Давай полетим прямо к солнцу, – услышал я.

– Это опасно. Мы можем сгореть, ман тайере... (моя дорогая) И тогда я посмотрел на небо и... Я помню, не удивился... А глядя на них, неожиданно подумал: «Будет дождь». И еще подумал: «Неужели мы когда-нибудь будем старыми? И не в Жмеринке?»

А через много лет уже в Париже меня подвели к памятнику и сказали:

– Вот! Это Хаим Сутин.

И увидев вопрос на моем лице, изумленно спросили:

– Как? Ты не знаешь Хаима Сутина?

И захлебываясь, начали рассказывать мне о нем и показывать его картины. И мне кажется, моментально... Знаешь как бывает... Моментально я его увидел... Увидел и вспомнил тот вечер и влюбленных, которые пролетали высоко в небе, и еще вспомнил, что тогда в тот вечер дождя так и не было. Я жадно смотрел на его мясную тушу... На его портреты... Его болезненное, как мне казалось, отношение к красному цвету... Не знаю почему, но его картины мне все время напоминали Жмеринку. Я чувствовал и видел ее необычную красоту. Глядя на его портреты, думал: никакие это не французские кухарки, это старушки из Жмеринки. А разве это «Рассыльный из “Максима”»? Это же Столяров-старший в красном френче. Казалось, он сейчас возьмет свою скрипку и начнет играть... И как играть...

Помню, как я не мог оторвать взгляд от его портрета «Безумная». Ее красное платье... Ее глаза... И конечно, руки... Это ведь Лиза с Пролетарской улицы, которая зарабатывала тем, что ошипывала кур. Я помню, весь ее дом и двор были в перьях... Ведь это же ее руки с кривыми и длинными пальцами...

А уж когда мне сказали, что он с детства страдал язвой желудка, и как он маялся и мучился постоянной болью, я совершенно не удивился, все как-то стало на место... Я молча сидел посередине зала музея Оранжеви и, глядя на его картины, чувствовал, как зарождается боль в моем проклятом желудке, и мне вдруг хотелось кричать от боли и от отчаяния...

Если Модильяни произвольно искажал натуру, то Хаим ничего не искажал: он так видел, так чувствовал. По Хаиму жизнь интересная, но в то же время запутанно жестокая, вечно голодная, с постоянной болью... И это она, эта клятая жизнь, искажает все в его картинах. Глядя на его портреты, натюрморты, пейзажи, понимаешь, как все это переплетается с жизнью и меняет представление о ней.

В общем, фрайгншт... (не спрашивай), как говорили в Жмеринке.

Девушка из кафе:

– Как же это грустно... Своими воспоминаниями ты довел меня до слез... – Она повернулась в зал, смахнула набежавшую слезу и сказала: – Цындун ды лэшт их штарб (Зажгите свечи, я умираю)...

Первый актер, глядя на нее, грустно улыбается.

Девушка из кафе, повернувшись к нему:

– Чего это ты?

Первый актер:

– Ты напомнила мне бабушку Сурку.

– Расскажи о ней.

Первый актер:

– Трудно... Я воспитываю себя. Хочу контролировать не только свое поведение, но и мысли. Хочу заставить себя не думать о вещах, которые очень грустные. Ах! Как же это трудно... Знаешь, мне кажется, что когда я был маленький, я мог заставить себя видеть определенные сны. Перед тем как ложиться спать, я думал о том, что бы мне хотелось увидеть во сне. Я думал очень интенсивно, и мне кажется, мне действительно снилось то, что я хотел. Правда, страшные сны мне тоже снились, и непонятно почему.

Девушка из кафе:

– Все равно расскажи... Она это заслужила. Кто-то ведь должен рассказать, какую жизнь она прожила.

Первый актер:

– Она была модисткой, как говорили тогда, то есть портнихой. Ее муж умер от заражения крови, когда моей маме было два года, а ее брату год. Жила она на иждивении у своего отца, ухаживая за ним и за двумя детьми. У нее была единственная подруга, тоже Сурка. Та жила с мужем и двумя детьми, но жизнь ее оказалась не лучше. Муж пьяница, безденежье... Во время войны в гетто она пекла бублички и продавала. Песня «Купите бублички» написана про нее... Помню, она постоянно, имея свободную минуту, забегала к бабушке покурить и поболтать, и как бабушка внимательно слушала ее рассказы, переживала, сочувствовала... Это ведь было ее единственное развлечение... Она никуда практически не выходила... и нигде кроме Жмеринки не была... Ты представляешь? Нигде кроме Жмеринки не была! И вот однажды, лежа на кровати дольше обычного, услышала беспокойный вопрос мамы: «Ты почему лежишь? Ты себя плохо чувствуешь?» Бабушка посмотрела как-то особенно грустно и ответила: «Цындун ды лэшт (зажги свечи)». – «Зачем?» – «Их штарб (Я умираю...)» Вздохнула... Закрыла глаза... И умерла!

Второй актер:

– Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих... Это говорю я, Кохэлэт, сын Давида, царь над Израилем в Иерусалиме...

Занавес падает. Мы слышим жидкие аплодисменты. Одинокие крики «Браво!» Занавес поднимается, и они втроем кланяются под робкие аплодисменты.

Я вспоминаю... Или фантазирую...

Она сидит на ручке кресла полураздетая и пьет красное вино. Из приемника тихо звучит музыка. Она делает глоток... Затягивается сигаретой, дым от которой попадает ей в глаза.

Зажмуривается... Кладет бокал с вином на стол, сигарету в пепельницу и двумя кулачками трёт, и трёт, и трёт глаза... И слезы, слезы появляются в ее глазах... Она медленно поднимает веки, смотрит на меня. Ее длинные мокрые ресницы... Ее размазанные тушью глаза... И застывшие в них слезинки...

– Я не могу без тебя больше, – говорит она тихо.

Затем берет мое лицо в свои ладони. Приближает свое лицо так, что наши носы соединяются. Она смотрит прямо в мои глаза... ее расширенные зрачки... Ее длинные ресницы щекочут меня.

– Иногда, как сейчас, например... – говорит она тихо, – мне больше ничего не хочется, а хочется просто лечь, объять тебя и потухнуть...

Я вижу ее бледное лицо, ее темные глаза, я вижу слезинки, которые блестят. Я протягиваю руки и чувствую, как они касаются... пустоты... И что удивительно! Меня это возбуждает! Меня это возбуждает, как и в ту ночь в отеле, когда мы оказались в том неизвестном городе...

Нет! Мне красивой такой не найти...

Я вспоминаю...

Мы вышли из трамвая на какой-то улице, вроде в центре города, и пошли искать гостиницу и ресторан. Идем медленно, молчим... Каждый думает о чем-то своем.

– Давай сначала гостиницу найдем, – смущаясь, сказал я. Вот козел!

– Да! Это разумно. – И улыбнувшись: – Вот ты уже и начал думать в верном направлении...

– Ой! Ой! Ой!

Опять улыбнулась.

Все гостиницы оказались как назло заняты, и нигде не было мест. Какой-то большой симпозиум в городе. Подойдя к очередной гостинице, она взяла бразды правления в свои руки. Меня посадила в фойе в кресло, а сама пошла разговаривать с портье. Я был абсолютно уверен, что результат будет тот же, но она шла ко мне с улыбкой и с ключом.

Номер был маленький, с двумя кроватями. Каждый сел на свою кровать и молчал. Опять неловкая ситуация...

– А ты молодец! Интересно, что ты ему там наговорила?

– Ничего особенного. Просто сказала, что очень нужно. Он посмотрел на меня, смутился и дал ключ.

– Ха! Мне бы так выглядеть... Столько бы дел наделал...

– А ты еще не наделал?

Я внимательно посмотрел на нее:

– Похоже, я что-то не так сказал?

Помолчали.

– Ну что? Пойдем поищем ресторан?

Вышли в фойе.

– Пойди спроси у своего смущающегося друга, где хороший ресторан.

Она посмотрела на меня с улыбкой и пошла к портье. Ресторан действительно оказался неплохой.

– А твой портье имеет вкус...

И она опять с улыбкой посмотрела на меня:

– Ты чего? Ревнуешь?

– Еще этого не хватало! Я тебя даже не знаю...

– Ревнуешь... Не могу поверить! А ты точно Эзра?

– А тебя не узнать...

– Сама себе удивляюсь! Какое-то чувство уверенности появилось...

Мы сидим за столом в шикарном ресторане, пьем вино, болтаем. Как же мне хорошо и уютно! Не помню, когда мне было так здорово в последний раз. И такое ощущение, что все глазят на нас. Это же надо такому случиться! Ха! Иногда даже туалет приносит счастье.

Я еще раз посмотрел на нее. Как же приятно смотреть на нее... И она посмотрела в ответ... улыбнулась...

– Как сложилась твоя жизнь?

– Да так, ничего особенного...

– Женат? Дети?

– Разбежались... Детей нет. А ты?

– Все еще одинокая... Одинокая какашка...

– Это ты какашка? А я тогда кто?

– Какаш, думаю... – И улыбнулась. Мне показалось, счастливо улыбнулась. Или нет?

Смотрю кругом. Много людей, красивый ресторан, стол с белой скатертью... Бутылка красного вина... и она... Нет! Мне красивой такой не найти... Я поднял свой бокал:

– Этим маленьким бокалом, но с большим чувством, – улыбаясь, вспоминая Бориса любимый тост: – Хочу выпить за то, что мы встретились...

– За то, что мы снова встретились, – добавляет она.

Выпили. Помолчали...

И в этот момент неожиданно у меня возникает какое-то новое для меня, странное чувство. Чувство, которое я никогда раньше не испытывал. И мне очень захотелось удержать, удержать это мгновение... Удержать все! Мимолетное выражение ее лица... Ее улыбку... Движение головы... Мне даже показалось... Нет! Я почувствовал, что я могу... Могу удержать все это...

А она наклонилась ко мне и тихо, почти шепотом говорит:

– Когда мы шли сюда, я заметила маленький банк. Давай пойдем и ограбим его.

Я улыбнулся.

– Не хочешь? ОК! Тогда давай убежим отсюда, не заплатив... – И склонив голову набок...

С мольбой в глазах... – Давай?! Давай сделаем что-нибудь особенное! И забудем обо всем и о всех... Давай! Зачем они нам? Ну их! Какое нам дело до них до всех? А? – Хитро улыбнулась. – А когда полиция за нами погонится, мы спрячемся в нашем номере.

– А ты, оказывается, аферистка. Вот уж не думал!

– Меня никто так еще не называл. – И склонив голову набок: —Аферистка... Ха! Ты заставляешь меня гордиться собой...

И уже в номере, когда мы лежали на моей кровати, а может, на ее, опираясь на локоть и смотря на меня сверху, она с улыбкой сказала:

– И как же я рада снова видеть тебя, Эзра! Когда мы вернемся в аэропорт, ты должен обязательно мне показать тот туалет. Я хочу его видеть собственными глазами... – Целует. Смущается. – Ты только не смейся, Эзра... Я и не знала, что секс может быть так приятен... Мне казалось, что я умру от наслаждения! – И через минуту: – И знаешь еще, Ржавенький, самый лучший секс с тем, с кем и без секса хорошо. Положи руку сюда и давай положим молча...

И мы лежим, молчим, и как всегда разная ерунда приходит мне в голову. Вот вдруг вспомнил отца... Когда он приехал ко мне в Америку, то привез словарь-разговорник. Показывал мне его и с возмущением говорил:

– Ты понимаешь, какой-то словник нехороший попался. Тех слов, которые нужны, там нет!

Я смотрю на свою руку, которая лежит чуть ниже ее груди. Ее рука на моей руке... Ее лицо с закрытыми глазами... Губы... Ресницы... И вся она кажется мне такой родной, такой близкой... Что я вдруг осознаю... Я влюблен... Да! Я влюблен... Неужели это правда? И когда же это случилось? Только что? Прямо здесь? Сейчас? Это поражает меня настолько, что я

ощущаю какую-то слабость, и мне кажется, что моя язва снова начинает ныть... Вот-вот разболится... Ну как же это так?! Этого не может быть... Или может?! Мне как-то очень захотелось прижаться к ней всем телом, прижаться, и спрятать голову в ее мягкой, маленькой груди, и сказать ей... Что... Что... Но нужных слов нет... Я чувствую себя как папин словник... Тех слов, которые нужны, у меня нет!

А она как будто чувствует, что со мной происходит. Медленно открывает глаза... Поворачивает голову... смотрит внимательно на меня, как будто ждет, что я скажу ей... Что... Что... И не дождавшись, улыбается, как мне кажется, грустно и говорит:

– Вампир девушке... Да не ори ты так! Мне только таблетку запить.

Я улыбаюсь, дотрагиваюсь до ее пупка и с умным видом выдаю:

– Научное название пупка – умбиликус...

Она в ответ улыбается:

– Мозг – устройство, с помощью которого мы думаем, что думаем! Умник!

Блядство! Что же она со мной делает... Она же меня влюбляет в себя...

И как же мне становится страшно... Страшно поверить и потом потерять все это... И... В этот момент я чувствую свою язву... Она начинает болеть... Причем как-то резко и сразу. М-м! М-м! М-м! Как же мне больно... Я прижимаюсь к ней... Может, ее тепло... тепло ее тела мне поможет... М-м! М-м! М-м! Мне очень не хочется, чтобы она видела, как мне больно. Как мне больно и страшно... М-м! М-м! М-м! Я сейчас потеряю сознание от боли или от страха... Я беру ее ногу, сгибаю в колене и прижимаю свой живот к нему, сильно прижимаю... прижимаю так, что чувствую, как пульс бьется под моим животом... И становится немного легче... И боль и страх медленно отступают... Или нет...

А она продолжает:

– Я сама себя не узнаю... Я такая... Мне кажется... Я все... Все могу! Я сейчас остановлю время. Хочешь?! У меня получится! Верить?

– Верю? Нет! Я чувствую... Ты можешь!

«И как же это было бы здорово, – думаю я. – Останови! – заклинаю я про себя. – Пожалуйста... Останови...»

Но...

В аэропорту мы не искали тот туалет, нам было не до него. Грустные и неразговорчивые, мы шли на регистрацию. У нас были разные компании и разные самолеты.

Как же мне хотелось сказать ей, что мы должны увидеться, что мы не должны потеряться... Но язык не поворачивался. Как-то неловко было говорить об этом. Создалась какая-то дурацкая, идиотская ситуация, при которой я не мог об этом говорить... Я хотел, честно, хотел дать ей свой телефон или попросить ее номер... но не мог, не было причины заговорить об этом...

Наверно, ее надменное выражение лица меня смущало. И ее красота сбивала меня с толку. Я ей ну совсем не подходил...

Она шла быстрым шагом, и я еле поспевал за ней. Ну, как в такой ситуации говорить о телефонах?

Она почему-то сначала подошла к моей регистрации.

– Давай сначала я тебя проведу...

– Нет! – резко сказала она.

Мы остановились у моей регистрационной стойки. Она повернулась ко мне, и тут ее лицо снова стало мягким, своим... Я почти готов был заговорить с ней о нас или дать ей свой номер телефона, но она меня опередила. Положила ладонь на мое плечо и сказала:

– Вот и конец празднику... И мы возвращаемся по домам...

С грустной улыбкой она резко развернулась и ушла, даже не поцеловав меня. Как же мне стало хреново... Она даже не обернулась! И боль... Резкая боль в желудке... Боль! Боль! Боль! Я уже ничего не хотел... Я хотел лечь прямо там, у регистрационной стойки, и исчезнуть!

– Ну и хрен с ней! На хрен! На хрен она мне не нужна... М-м... М-м... М-м...

Как же болит... Эта блядская язва... Я сейчас возьму и лягу прямо здесь... На пол... И будь что будет... На хрен!

Ну, какой же я козел... Почему я не взял ее телефон?

– Припоцанный идиот! – крикнул я в сторону, куда она ушла. – Как же я теперь найду тебя? Я даже не знаю, в каком городе ты живешь!

М-м... М-м... М-м... Я даже не знаю твою фамилию... М-м... М-м... М-м... Нет, я законченный идиот... М-м... М-м... М-м... Я сейчас сознание потеряю от боли... Надо найти чего-нибудь пожевать... Может, станет легче... Может, перестанет болеть эта блядская язва...

Я стал лихорадочно рыться в карманах. Может, конфета какая или плавленый сырок... Мне казалось, что-то было в кармане куртки.

Вот перчатки... Ключи... телефон... какие-то бумажки... квитанции... и ничего пожрать. Нет, я сейчас умру от боли... М-м... М-м... М-м... Какая-то бумажка в руке... Раскрываю. Номер телефона... и приписка... У меня сердце забилось... Неужели от нее? От Дины? Читаю...

«Меня не Дина зовут. Умник! Если вспомнишь меня и вспомнишь, как зовут, тогда можешь позвонить... 256-3555. Фармазон!»

Я растерялся. И живот неожиданно не так стал болеть, можно уже терпеть... Фармазон? Это я, что ли? И что такое фармазон?

Спрашиваю у мужика, рядом стоящего в очереди:

– Ты знаешь что такое фармазон?

– Чего?

– Фармазон! Что такое фармазон?

– Шармагон? Никогда такого слова не слышал...

– Не шармагон, а фармазон!

– Пармагон?

Я стал нервничать. Идиот! Вот кретин! Повторить не может!

– Фар-ма-зон!

– Да иди ты!

Так. Это она специально придумала... Чтобы я мучился.

Как же я теперь узнаю ее имя? Как?

И внезапно в этом шуме, шуме аэропорта, я слышу голос... Ее голос...

– Оглянись, и ты увидишь меня...

И я оглянулся...

Кухня...

Хана все еще смотрит на меня. Смотрит на меня грустными глазами. Я где-то уже видел эти глаза... нет, не глаза, а глаз... Один одинокий глаз... Где же? Где? Это же у Сальвадора Дали... Да! Я вспомнил... Эпизод сновидений, который Сальвадор Дали делал для фильма «Spellbound» Хичкока. Глаз в перспективе... неправдоподобно сюрреалистичен и таинственно одинок...

– И мне... Как же мне одиноко...

Он повернулся и посмотрел во двор, который уходил в лес. Где на поляне, за одиноко стоявшим столом, девушка продолжала смотреть на Эзру. Затем она начала что-то рисовать на большом картоне голубым фломастером.

Улыбаясь, она поворачивает картон к Эзре. На котором нарисован голубой корабль...

У него заняло в груди.

– Эзра! – говорит она тихо. – Давай сядем в этот кораблик и уйдем... – Улыбается. –
Вдвоем... Только ты и я...

Эзра с тоской смотрит на нее и улыбается...

Я представляю...

Театр... Сцена... Красные, желтые, оранжевые цвета...

Девушка из кафе в рваном желтом платье и босиком. Прижимая руку к груди, с театральным выражением произносит в зал:

– Эзра! Ты ей не нужен... Это только каприз! Эзра! Ее каприз... – Сквозь слезы: – И если ты все же уйдешь к ней, я буду очень страдать... Я, может, даже умру... Думая о тебе! Нет! Ты ей не нужен... Эзра! Верь мне! – И после паузы: – А мы должны быть вместе! Эзра! Когда мессия придет, мы должны быть вместе!

Первый актер:

– Уже появляются силы... Образы... Воспоминания... О тех временах... И грусть отступает...

Девушка:

– У тебя даже лицо изменилось... Стало здоровее... и цвет другой... Давай дальше...
Рассказывай...

Первый актер:

– ОК! Слушайте... Нет! Лучше смотрите...

Жмеринка...

Улица. Теплый летний вечер. Ганс, Мойша и Эзра стоят и разговаривают.

Ганс:

– Мне нужно ее потерять...

Эзра:

– Зачем ты с ней вообще связался, если она тебе не нужна?

Мойша:

– Цыдрейтер... (идиот).

Ганс:

– Значит, так... Она должна прийти через пять минут.

Эзра:

– Так что? Оркестр заказать?

Ганс:

– Закрой пасть!

Эзра:

– Я сейчас развернусь и уйду...

Ганс:

– Ржавый, сейчас по мозгам получишь!

Эзра обращается к Мойше:

– Ну! Ты видишь?

Мойша:

– Короче...

Ганс:

– Вы ее встречаете и говорите, что я подрался и меня в полицию забрали.

Мойша:

– Где ты ее вообще нашел?

Ганс:

– Та вчера на свадьбе... Мама с ее подругами... Хорошая девочка, тебе пора подумать о хорошей еврейской девочке, хватит с шиксами шляться... И так заморочили мне голову... ну и я выпил немного...

Эзра с притворным изумлением:

– Так что, ты еще и алкоголик?!

– Кажется, кто-то сейчас получит по мозгам...

– Ты хочешь и правда в полицию...

Обращаясь к Мойше:

– Он какой-то бандит сделался...

Мойша, показывая головой в сторону улицы:

– Это все она....

Ганс с просьбой в глазах:

– Говнюки... хватит! Давайте серьезно. Она вот-вот должна быть здесь.

Эзра опять с деланным изумлением:

– Она что, не опаздывает?!

Мойша:

– А может, она твоя мечта?

Эзра:

– Ты ее нос видел?

Мойша:

– Я ее вообще не видел... Но зная его вкус, уже как-то себе представляю...

Эзра:

– Еще та красавица...

Мойша:

– Зубы у нее хоть хорошие?

Ганс:

– Я что, дантист?

Эзра делает идиотскую рожу и смотрит на Ганса. Тот обращается к Мойше, показывая на Эзру:

– Я его сегодня прибью. Что с ним сегодня?

Мойша:

– Не трогай его.

Ганс озабоченно:

– А что случилось?

– Его лучший друг мозгами поехал.

– Кто?

Мойша игнорирует вопрос и продолжает:

– С какой-то идиоткой переспал вчера на свадьбе, а сегодня не знает, куда ее потерять...

Ганс отчаянно:

– Как, блядь, вы мне надоели!

Эзра, обращаясь к Гансу:

– Если бы ты вчера не хотел жениться, то не познакомился бы с этой беззубой красавицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.